

УДК 1(075.8)

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Е. В. Кузнецова

SOURCES OF CHINESE MENTALITY FORMATION

E. V. Kuznetsova

В статье исследуются основные школы философской мысли древнего Китая: даосизм, конфуцианство и буддизм, которые оказали решающее влияние на формирование менталитета китайского народа. Автор показывает особенности каждой школы и дает им сравнительную характеристику.

The paper addresses the major schools of philosophical thought in ancient China: Taoism, Confucianism, and Buddhism, which had a decisive influence on the formation of mentality of the Chinese people. The author shows the characteristics of each school, and gives them a comparative description.

Ключевые слова: конфуцианство, даосизм, буддизм, гуманность, соблюдение обрядов, добродетельное поведение, карма.

Keywords: Confucianism, Taoism, Buddhism, humanity, ceremonial, virtuous behavior, karma.

Китайцы убеждены, что из трех капель воды, этой самой текучей субстанции, которую они отождествляют со своей душой, образуется все что угодно. В конце XX и начале XXI веков им было угодно сотворить китайское чудо. Они за 20 лет увеличили средний доход на душу населения в 5 раз, вышли по объему производства многих товаров на первое место в мире, а по качеству товаров догнали Японию. Поскольку это чудо сотворили люди, то для понимания его надо обратиться к историческим истокам китайского образа жизни и менталитета.

Основными школами философской мысли Китая изначально были конфуцианство, даосизм и буддизм, которые пользовались целым рядом общих категорий и поэтому легко совмещались в сознании простых людей, образуя сложный идейный коктейль. Высшим принципом саморазвития мира являлось для них понятие Дао – дорога, путь, поток. Дао управляется двумя вселенскими силами: Ян и Инь. Дух Ян управляет небом и является светлым, мужским, творческим началом. Дух Инь управляет землей, эта темное, женское начало, сохраняющее все вещи. Эти противоположности нераздельны и образуют единое целое, постоянно перетекая друг в друга. Личность человека также противоречива и состоит из мужских и женских качеств, независимо от половой принадлежности. Небо всегда господствует над землей и управляет ею. Небо и земля – это родители, а люди – это их дети, которых небо наделяет духовностью. Этот дуализм и стихийная диалектика всегда были присущи китайскому мышлению.

Великий Учитель китайцев Конфуций требовал почитать древних мудрецов, традиции и знания. Он проповедовал идеал социальной гармонии, который достигается гуманностью (чжен), соблюдением обрядов (ли) и добродетельным поведением. Он отрицал абсолютный фатализм и признавал необходимость человеческих усилий для достижения успеха, счастья и совершенства. Ритуал для него был эталонным высоко нравственного поведения и гарантией сохранения человеческого достоинства, а также гуманного отношения к людям. Поскольку на этом трудном пути человек сталкивается с ошибками и

заблуждениями, он требовал использовать «правильные имена», то есть называть вещи своими именами, а также «исправлять имена» при обнаружении их ошибочности

Конфуций делил людей на 2 категории: цзюньцзы – благородный человек, и сяо-жен – маленький человек. Первый следует моральным принципам, гуманен и терпим, а второй нарушает моральные нормы, суетлив, фанатичен и вспыльчив. Поступки первого всегда соотносятся с общественным благом, а второго – с личной выгодой. Конфуций говорил: «Если человек поступает из корыстных соображений, он всегда вызывает негодование». Достичь собственного нравственного совершенства личность может лишь одним способом, ведя к совершенству других.

Цзюньцзы были не просто образцами морали, а социальными личностями, которые больше всего в жизни боялись потерять свое лицо, то есть репутацию среди членов общины. «Сохранение лица» заключалось в исполнении своей роли в обществе, соблюдая все правила и условности и укрощая своеволие с помощью ритуалов – ли. В старом Китае утрата репутации вследствие недостойного поведения или вовлечения в сомнительную ситуацию считалась смертельным позором, который нередко приводил к самоубийству опозоренного или порождал у него желание и право отомстить. Сейчас последствия «потери лица» не такие суровые и позор смыывают не кровью, а словами. Но и сейчас для китайца важен не сам поступок, а то, как он при этом выглядит в глазах окружающих. Даже произвольную попытку кого-либо поставить их в неловкое положение они воспринимают как смертельную обиду. Это вынуждает их быть актерами и позерами в самых различных ситуациях, чтобы только сохранить свое лицо.

Цзюньцзы были не только людьми долга, которые смело шли навстречу своей судьбе и стойко встречали все опасности, но и весьма свободными людьми в сфере духовного выбора. Они считали, что не путь определяет человека, а человек выбирает и расширяет свой путь, являясь хозяином своей судь-

бы. В реальной жизни они зависели от семьи, государства и общества, вынуждены были носить «личину» и скрывать свои чувства и мысли. Но внутренняя свобода их была огромна. Когда внешняя зависимость ослабевала, они обнаруживали в себе великую духовную силу, готовую к большим свершениям. Именно эта сила позволяет им верить в свое господство в мире, так как они «могут стоять над пропастью и идти по тонкому льду» [9, с. 121].

Даосизм, основы которого заложил легендарный Лао-цзы, чье имя буквально переводится как «старый ребенок», в отличие от конфуцианства проповедовал индивидуализм и защищал интересы личности и ее достижения. Именно поэтому он ставил своей целью продление жизни и такое напряжение жизненных сил человека, которое обеспечит ему победу над смертью и обретение бессмертия.

Предание гласит, что Лао-цзы родился седовласым стариком, жил затворником и оставил своим потомкам написанную им книгу «Дао-дэ-цзин» – Книгу пути и его силы. Эта книга сыграла величайшую роль в формировании китайского мировоззрения, а сейчас влияет на умы миллионов людей во всех странах мира. Это сборник классических афоризмов, представляющих собой формулы поведения на все типичные случаи жизни. Например, в покое ожидать утомленного врага; выманить тигра с горы на равнину; грабить во время пожара; превратить роль гостя в роль хозяина; заманить на крышу и убрать лестницу. Всего таких правил – 36. Они называются стратегемами, что означает тактические ловушки для достижения успеха.

Использование стратегем считалось высоким искусством, которым обладали только талантливые люди, однако, стратегемность мышления присуща всему китайскому народу. Великолепно пользовался ими в политической и военной борьбе Мао Дзедун. Эти стратегемы часто выступают полной противоположностью распространенной в Китае конфуцианской этике, но тем не менее они мирно уживаются с ней в китайской душе. В одной из китайских книг об этом противоречии между идеалами и жизненной практикой говорится так: «Речи о человечности и добродетели могут использоваться, чтобы добиться чего-то от других. Но нельзя позволять провести себя с их помощью, по крайней мере, не в сражении, физическом или духовном. Как говорится, «жизненный опыт – это вопрос образованности, а здравый смысл в обращении с людьми основывается на махинациях». В наше время многие страны провозглашают себя цивилизованными. Но чем цивилизованнее общество, тем больше в нем места занимает ложь и обман. В такой среде 36 стратегем представляют собой средство как защиты, так и нападения. Они несут в себе практическую мудрость, которая значительно ценнее пустых фраз морали и увещаний [18, с. 72].

Главной своей целью даосы считали единение с миром, гармонию с природой, слияние с Дао, что должно придавать человеческому поведению естественность, избавлять его от искусственных и ложных страстей. Слияние с Дао ведет к просветлению, то есть к осознанию естественных законов жизни, и

формирует способность понимать естественный ход вещей, для которого характерна «неизменная изменчивость». Они убеждены, что в жизни нет ничего более постоянного, чем перемены, и поэтому человек должен жить только настоящим моментом, то есть здесь и сейчас. Слияние с Дао помогает обрести долголетие, сверхъестественные способности и даже бессмертие.

Даосизм за тысячелетия своего существования выработал различные практики достижения просветления: 1) учение о правильном питании и различные диеты; 2) дыхательную гимнастику для овладения внутренней энергией «ци»; 3) медитации для развития способности и готовности к переменам; 4) многочисленные комплексы физических упражнений.

Важнейшим способом слияния с Дао для даосов является воздержание от активных действий, то есть невмешательство в естественные законы жизни. Это не проповедь пассивности, а учение о «деянии через недеяние». Иными словами, это действие в соответствии с двумя принципами: 1) ни одно усилие не должно быть потрачено даром; 2) не следует делать ничего вопреки законам природы.

В этой формуле они выразили свое понимание того, что для достижения своей цели часто вообще не нужно ничего делать. Например, не причинять людям зла, боли, не ругаться, не ссориться и с помощью этого отказа от действий добиваться очень многого. В то же время они предпочитали импульсивные и спонтанные поступки заранее продуманным и спланированным. По этой причине они негативно относились к государственному законодательству, оценивая его как насилие над человеческой природой, рождающее ответное насилие. «Когда много законов и приказов, увеличивается число воров и разбойников», – говорил Лао-цзы. Так сложилась китайская концепция управления как искусство мягко и ненавязчиво, но своевременно и уместно реагировать на естественную смену состояний какого-либо процесса деятельности. На этой концепции воспитывалась целая плеяда блестящих китайских руководителей, которые были принципиальными дилетантами и отвергали профессионализм. Они управляли свободно, словно играючи, как они говорили «не наклоняясь вперед и не отклоняясь назад», и добивались при этом великолепных результатов.

Примерно в III веке до н. э. в западные районы Китая пришло из Индии учение буддизма. Хотя родоначальник этого учения царевич Гаутама в своей личной жизни придерживался крайнего аскетизма и поиска истины, других он учил избегать крайностей воздержания и гедонизма и предлагал достигать просветления, то есть способности видеть суть вещей и явлений с помощью интуиции. К религиозной вере он относился отрицательно, ничего не говорил о боге и призывал к самосовершенствованию. Конечной целью познания мира должно было стать состояние «нирваны» – свободы от ненависти, зависти, невежества и других темных сил. Нирвана должна была дать человеку любовь, благородные помыслы и вдохновить на подвиги ради достижения высоких целей.

Буддисты оперировали понятием «кармы», но вкладывали в него совсем другой смысл, нежели сторонники индуизма: не сумму добрых и злых дел, а сознательное волевое усилие человека к улучшению своей нравственной сущности. Они обещали за это награду не после смерти, а уже при жизни, и считали, что каждый человек перевоплощает себя сам из того, кем он был вчера и кем является сегодня, в того, кем он будет завтра. Человек творит себя сам, а не бог.

Будда учил верить в восьмеричный путь восхождения к нирване, которая понималась как просветление духа посредством подавления плоти или как достижение праведной мысли праведной жизнью. Если в Индии буддизм стал развиваться по пути хинаяны – узкому пути к спасению, доступному лишь монахам и отшельникам, то в Китае он стал проповедовать махаяну – широкий путь к спасению, которым могли идти все люди. Правда, они не могли стать Буддами, а способны были стать лишь Бодхисатвами (Буддами в ожидании), но достичь высокой степени совершенства и стать образцами для других людей они могли [1, с. 101].

По мере продвижения на восток буддизм все больше окитаивался, быстро завоевывал широкие массы, а затем был признан в качестве официальной государственной идеологии. Он предложил новые, более совершенные техники медитации и стал называться «чань-буддизм». Китаизация его заключалась в слиянии с даосизмом и традиционными языческими культами. Но все секты чань-буддизма пренебрежительно относились к книжной мудрости, противопоставляя ей совместный физический труд как форму медитации и проповедуя отнюдь не религиозную идею о том, что человек может всего достичь не в загробной, а в этой жизни.

У китайских Будд поэтому постепенно вырос живот, символизирующий в Китае богатство, довольство жизнью и терпимость. Китайцы до сих пор верят, что счастливый человек должен быть толстым. Китайские Будды не похожи на строгих и худых индийских богов. Они всегда упитанны, блаженно улыбаются и хитро поглядывают на людей. Они явно не страдают от несовершенства мира, снисходительны к человеческим грехам и прощают людям все, если те бросят им деньги через дверцу в спине. Стремление к нирване у них вытеснено стремлением к богатству и обязанностью заботиться не только о душах людей, но и об их телесных удовольствиях. Китайцы, как и лютеране в Европе, не любят монахов и приговаривают их к обязательному труду в монастырях вместо духовной медитации, а также к освоению боевых искусств. Буддийские монахи в Китае всегда участвовали в войнах, пренебрегая заповедью «не убий». Они никогда не нищенствовали, питались обильной мясной пищей, а лохмотья носили декоративные, искусно сшитые из кусков самого дорого шелка. Будда спокойно и мирно сидит рядом с Конфуцием и Лао-цзы в позе хитрого мудреца или мудрого обманщика, а само учение превратилось в набор нравоучительных сказок и притч [3, с. 248].

Таким образом, большинство китайцев не видят между конфуцианством, даосизмом и буддизмом особых различий и совмещают в своей голове. Религиозных конфликтов в Китае никогда не было, так как китайцы не религиозны. Первостепенное место в их сознании занимают моральные семейно-родовые ценности, а не вера в богов. Все верования очень приземлены и не требуют от человека ничего невозможного и непосильного. Китайские боги – это славные, могучие и мудрые предки, с которыми всегда можно договориться или пойти наперекор их воле. Отношения с ними строятся на принципе взаимной пользы, то есть утилитаризма. Если боги не помогают, то их ругают словно государственных служащих и даже наказывают. В императорском Китае статуи богов за нерадивость подвергали порке и ссылали в безлюдные местности.

Этот своеобразный атеизм китайцев имеет языческие корни и связан с суевериями: верой в духов, культом предков, магией образов, цвета и чисел, гаданиями и жертвоприношениями. Почти в каждом доме есть кумиры и идолы богов, к помощи которых китайцы обращаются при начинании почти всех своих дел. Для принятия решений используют не прогнозные календари, а фэн-шуй и веру в счастливые и несчастные числа. Конечно, внутренний выбор они делают сами, но укрепляются в нем, находя подтверждения во внешних приметах бытия.

Рационализм и прагматизм китайцев порождают избирательность в отношении и усвоении чужой культуры. Они всегда в этом смысле патриоты, а иногда даже великодержавные шовинисты. Конфуцианство на протяжении веков рассматривало Китай как «островок цивилизации» в море варваров и культивировало чувство исключительности и превосходства у китайцев, как у людей, живущих в центре всего мира. До сих пор все китайское преподносится эталоном совершенства, а все не китайское считается неполноценным и некультурным. Они никогда не перенимают чужие ценности в готовом виде, а перерабатывают их в свои, часто изменяя до неузнаваемости. В китайском языке почти нет иностранных слов. Все иностранные слова они переводят на китайский язык с помощью сложных словесных конструкций. Например, слово «Кока-кола» они переводят как «нежный ветер с востока».

К иностранцам относятся по-разному, но в основном с доброжелательным интересом, хотя между собой пренебрежительно называют их «длинноносными», «облезлыми», «заморскими чертями» и могут себе позволить в отношениях с ними скрытность, вероломство, лицемерие, обман и жестокость, не считая это предосудительным. В этом проявляется их общинная психология и традиция круговой поруки, которая сплачивает их против чужаков. В общении с незнакомцами они самолюбивы, обидчивы и неразборчивы в средствах. Сами себе они позволяют критиковать свои недостатки, но болезненно воспринимают такую критику со стороны. Сейчас в Китае очень популярна книга «Гадкий китаец», высмеивающая различные проявления ксенофобии и изоляционизма. Хотя государство требует относиться к иностранцам как к равным, без высокомерия и низ-

копоклонства, но в личном общении с китайцами всегда заметен некоторый оттенок снисходительности и ироничности. Достижения европейцев никогда не производят на них большого впечатления, заставляя их не восхищаться, а недоумевать: почему мы не придумали это сами?

«Лучше несправедливость, чем беспорядок» – сказал как-то великий Гете, выразив тем самым основную формулу жизни китайцев, которые строят свой порядок не столько на государственных законах, сколько на общинных традициях, мифах, суевериях и стратагемах своего мышления. Последние не всегда справедливы и отличаются групповым эгоиз-

мом, но очень эффективны и ставят китайцев в ответственное положение перед коллективом и обществом. В сочетании с ответственностью перед государством это создает такую дисциплину труда, такое напряжение воли, ума и чувств, которое позволяет развивать огромную творческую энергию и осуществлять крупные социальные проекты. А стремление к порядку всегда сочетается у них с интересом ко всему новому и способностью к рациональному освоению чужого опыта. Как сказал о китайцах один наивный американец, похожий на простого сибирского парня: «Их так много. Они не верят в бога и прекрасно себя чувствуют!» [5, с. 311].

Литература

1. Альбедиль, М. Ф. Буддизм / М. Ф. Альбедиль. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.
2. Абаев, Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
3. Буддийская мудрость / Сост. В. В. Лавский. – М.: ИКЦ Мартъ; Ростов н/Д.: ИЦ Мартъ, 2007. – 320 с.
4. Все о бизнесе в Китае / Под ред. Ю. Воронова. – СПб.: Питер, 2008. – 475 с.
5. Книга прозрений / Сост. В. В. Малявин. – М.: Наталис, 1997. – 448 с.
6. Конфуций. Я верю в древность / Сост., перевод и коммент. И. И. Семененко. – М.: Республика, 1995. – 384 с.
7. Конфуций / сост. В. В. Юрчук. – Мн.: Современное слово, 2002. – 384 с.
8. Конфуций. Уроки мудрости / Конфуций. – М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 2002. – 958 с.
10. Лаоцзы. Обрести себя в Дао / Сост., перевод, коммент. И. И. Семененко. – М.: Республика, 2000. – 447 с.
11. Личность в традиционном Китае. – М.: Наука, 1992. – 326 с.
12. Лукьянов, А. Е. Лао-цзы и Конфуций: Дао / А. Е. Лукьянов. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 384 с.
13. Малявин, В. В. Конфуций / В. В. Малявин. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 357 с.
14. Малявин, В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. – М.: Дикзайн, 2000. – 448 с.
15. Мартынов, А. С. Конфуцианство. «Лунь Юй» / Пер. А. С. Мартынова: в 2 т. / А. С. Мартынов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
16. Маслов, А. П. Тайный код Конфуция. Что пытался передать великий Учитель? / А. П. Маслов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 288 с.
17. Переломов, Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба / Л. С. Переломов. – М.: Наука, 1993. – 440 с.
18. Попов, В. В. Три капельки воды: заметки не Китаиста о Китае / В. В. Попов. – М.: Дело, 2002. – 184 с.
19. Томас, Э. Будда. История и легенды / Пер. с англ. Э. Томас. – М.: Центрполиграф, 2003. – 350 с.
20. Торчинов, Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций / Е. А. Торчинов. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.
21. Чжуан-цзы / пер. с кит. В. В. Малявина. – М.: Мысль, 1995. – 439 с.
22. Чжуан-цзы / пер. с кит. Л. Позднеевой. – СПб.: Амфора, 2000. – 367 с.

Информация об авторе:

Кузнецова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права КузГТУ, Кемерово, 3616646@mail.ru

Elena V. Kuznetsova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2013 г.